

Научная статья

УДК 821.521

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-2/25-33>

**Феномен возвратной преемственности
в японской литературе первой половины XX века
(на примере произведений Танидзаки Дзюньитиро
«Лианы Ёсино» и «Мать Сигэмото»)**

Александра Михайловна Лебедева¹

Научный руководитель: **Лиала Юрьевна Хронопуло²**

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

¹ Магистрант, sashapevo@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-0685-5298>

² Кандидат филологических наук, доцент кафедры японоведения Восточного факультета, l.khronopulo@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3734-3109>

Аннотация. Статья посвящена изучению феномена возвратной преемственности в японской литературе первой половины XX века на материале двух произведений Танидзаки Дзюньитиро: «Лианы Ёсино» и «Мать Сигэмото». Подробно анализируются: культурно-исторический контекст произведений, особенности их структуры и стилизации, заимствования из японских литературных памятников и фольклора. Рассматриваемый феномен связывается с влиянием вестернизации Японии на ее литературный процесс. Выявляется особая важность «обращения к прошлому» в творчестве Танидзаки и становлении новой японской литературы.

Ключевые слова: возвратная преемственность, Танидзаки, «Лианы Ёсино», «Мать Сигэмото», новая японская литература, вестернизация, традиционные образы

Для цитирования: Лебедева А.М. Феномен возвратной преемственности в японской литературе первой половины XX века (на примере произведений Танидзаки Дзюньитиро «Лианы Ёсино» и «Мать Сигэмото») / науч. рук. Л.Ю. Хронопуло // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 2. С. 25–33.

Original article

**The Phenomenon of “Retrospective continuity” in Japanese Literature
of the First Half of the 20th Century (on the Example of “Arrowroot”
and “Captain Shigemoto’s Mother” by Tanizaki Jun’ichirō)**

Alexandra M. Lebedeva¹

Scientific Advisor: **Liala Yu. Khronopulo²**

^{1,2} Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

¹ Master’s Student, sashapevo@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-0685-5298>

² Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Japanese Studies, Oriental Studies Faculty, l.khronopulo@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3734-3109>

© Лебедева А.М., 2024

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of so-called “retrospective continuity” in Japanese literature of the first half of the 20th century. It’s based on two works by famous Japanese writer Tanizaki Junichirō: “Arrowroot” and “Captain Shigemoto’s Mother”. The research consists of analyzing cultural and historical context of the novellas; some peculiarities of their structure and stylization; and also references to legends and classical Japanese literature. The phenomenon of “retrospective continuity” is explained in relation to the impact of Japan’s modernization and westernization on its literary process and society. It also reveals the importance of “turning to the past” for the Tanizaki’s creative path and development of new Japanese literature.

Key words: retrospective continuity, Tanizaki Jun’ichiro, “Arrowroot”, “Captain Shigemoto’s Mother”, modern Japanese literature, westernization, traditional images

For citation: Lebedeva A.M. The Phenomenon of “Retrospective continuity” in Japanese Literature of the First Half of the 20th Century (on the Example of “Arrowroot” and “Captain Shigemoto’s Mother” by Tanizaki Jun’ichirō) / sci. adv. L.Yu. Khronopulo. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 25–33. (In Russ.).

В результате реформ Реставрации Мэйдзи в 1868 году в Японии, открывшейся для других стран после столетий почти полной изоляции, был запущен процесс стремительной модернизации с упором на вестернизацию, повлекший за собой колоссальные изменения во всех сферах жизни общества, включая литературу. К началу XX века в японской литературе возникло множество новых жанров и направлений. Основы литературы, способной ответить требованиям совершенно новой эпохи, заложены молодыми писателями, знакомыми с новой системой ценностей, получившими образование за рубежом или в созданных по европейскому образцу высших заведениях Японии [9, с. 101]. Они были вынуждены находить баланс между родной и чужой культурами, и в творчестве многих японских писателей нового поколения были периоды и подражания Западу, и «отката», то есть возвращения, переоткрытия и усвоения литературного наследия собственной страны.

Несмотря на неоспоримую важность данного явления для развития национальной литературы, феномен возвратной или ретроспективной преемственности и сама преемственность в литературе Японии первой половины XX века в отечественном японоведении остается недостаточно изученной. Кроме того, ввиду продолжающейся вестернизации Японии проблемы сохранения и продолжения традиций как в обществе, так и в литературе не теряют своей актуальности.

Преемственность является основой поступательного развития всех сфер человеческой деятельности, связывающей настоящее с прошлым и будущим, выступающей в качестве необходимой связи между новым и старым. Преемственность национальных художественных традиций, освоение и творческое обогащение уже накопленного идейно-эстетического опыта обеспечивают поступательное развитие любой национальной литературы: без переосмысления существующих традиций невозможны художественные открытия в области как формы, так и содержания [8, с. 57]. В монографии о преемственности в развитии литературного процесса А.С. Бушмин утверждает: «Всякому развитию, в том числе и развитию литературы, присуще – в той или иной мере, но тем не менее всегда – единство изменчивости и устойчивости, неповторимости и повторяемости» [2, с. 38].

Творческое освоение художественного опыта предшественников является необходимой составляющей процесса формирования и становления оригинальной творческой индивидуальности писателя. Формы преемственности в литературном творчестве могут быть крайне многообразными: существует внутрижанровая, возвратная, опосредованная, контактно генетическая, типологическая преемственность и т. д. [2, с. 64].

Возвратная, или ретроспективная, преемственность – это обращение современных авторов «через голову» ближайших поколений к традициям отдаленных эпох, диктуемое возросшими в процессе развития потребностями и возможностями познания прошлого в интересах настоящего и будущего [2, с. 64]. Главным стимулом, или «триггером», писателей нового поколения обратиться к традициям послужил период активной модернизации и повсеместных заимствований западных культурных реалий после Реставрации Мэйдзи, на время лишившей японцев опоры на национальное художественное наследие. Более точные причины могут быть выявлены только при рассмотрении конкретных случаев: определенных направлений, произведений, творческих объединений или творчества отдельных писателей. Это могут быть и ностальгические, эскапистские тенденции в обществе, кризис культурной идентичности, националистические настроения и военная пропаганда, причины личного характера [1, с. 77].

Так, в японском литературоведении существует понятие псевдоклассицизма (義古典主義, гикотэн сюги), с которым ассоциируются не только творчество известного драматурга и классика японской литературы Ихара Сайкаку (1642–1693), чьи произведения насыщены аллюзиями на литературу эпохи Хэйан (794–1185), но и последовавшие по его стопам японские писатели конца XIX–начала XX веков, такие как Кода Рохан (1867–1947), Одзаки Коё (1867–1903) и Хигути Итиё (1872–1896), стремившиеся создавать новые соответствующие времени литературные формы, сохраняя традиции предшествующей литературы [13, с. 79].

Иллюстрацией феномена возвратной преемственности может служить творчество классика новой японской литературы Танидзаки Дзюньитиро (1886–1965). В его произведениях возникают традиционные мотивы демонической женской красоты, образы роковой женщины, и в то же время основными темами его произведений являются взаимоотношения Востока и Запада, их культурный синтез и вопросы традиционной эстетики.

Творчество Танидзаки Дзюньитиро принято делить на два крупных периода: ранний, или период «увлечения Западом», и зрелый – «возвращение к Японии», «период огромной литературной активности Танидзаки, вдохновленного переездом в район Кансай» [12, с. 757]. Произведения этого периода «свидетельствуют о новых эстетических горизонтах, открывшихся перед творческим воображением Танидзаки» [5, с. 15].

В период «увлечения Западом» Танидзаки, отчисленный с третьего курса университета, погрузился в жизнь токийской литературной и художественной богемы, в высшей степени увлеченной западной культурой и в большинстве своем превозносящей ее. Он активно знакомился с иностранцами, одевался исключительно по-европейски, увлекался европейскими бальными танцами и переехал в Йокогаму. Опыт, приобретенный за эти годы, позже оказался крайне полезным для Танидзаки в осмыслении кризиса культурной самоидентификации в японском обществе, что отразилось в его известных работах, таких как «Любовь глупца» или «Похвала тени» (1933).

Главным событием, условно разделившим его творчество на два полярных по своей сути периода, считается Великое землетрясение Канто 1923 года, заставившее писателя уехать из Токио в район Кансай. Произведения, созданные после переезда, более всего повлияли на

формирование писательской репутации Танидзаки. Уже после Второй мировой войны, в 1948 году, он напишет: «В 1924 году я переехал в район Кансай, и поэтому мои произведения явственно стали отличаться от произведений прошлого периода моей жизни» [14, с. 92].

Однако Танидзаки никогда не отказывался от связи с национальной художественной традицией, и, по мнению многих японских, западных и отечественных исследователей, в том числе и К.Г. Саниной, особенностью его творчества стал синтез западной и традиционной культур [4, с. 390]. К. Цурута пишет: «Когда у современного японского писателя наступает “период возвращения”, он часто обращается против Запада, но Танидзаки перерос противопоставление “или-или” и принял в отношении Японии и Запада гораздо более приемлемое “и-или”» [16, с. 254]. С. Додд называет данный синтез «сознательным эклектизмом литературных влияний» [3, с. 204; 10, с. 165].

Писатель имел глубокие познания в классической японской литературе, и Акутагава Рюносукэ писал о нем: «Его классическое образование удивительно глубокое, что обнаруживается в его стиле... среди всех японских писателей только Мори Огай знает классику так же, как Танидзаки Дзюньитиро» [5, с. 3]. Он увлекался литературой и хотел стать писателем с самого детства, поэтому поступил на литературный факультет Имперского университета, но вынужден был покинуть его на третьем курсе из-за нехватки средств на обучение. Одним из важнейших достижений Танидзаки стал перевод на современный японский язык самого известного памятника классической литературы – «Повесть о Гэндзи» [9, с. 120].

Произведения зрелого периода писателя характеризуются интеграцией традиционных элементов: они насыщены различными аллюзиями, цитатами и заимствованиями из литературы предыдущих эпох. Одними из самых ярких примеров можно назвать повести «Лианы Ёсино» и «Мать Сигэмото».

Повесть «Лианы Ёсино», впервые изданная в 1931 году, считается «открывающим» произведением зрелого периода творчества Танидзаки Дзюньитиро. Повествование ведется от первого лица; по форме повесть напоминает дневниковые записи или путевые заметки [1, с. 79]. Рассказчик описывает события двадцатилетней давности: к нему возвращается давнее желание написать исторический роман, когда он начинает изучать различные легенды, исторические и семейные хроники, связанные с борьбой за власть между Северной и Южной династиями в период Намбокутё (1336–1392), а точнее с отпрыском Южной династии – Небесным государем, принцем Китаяма, который был вынужден бежать вглубь гор Ёсино. В это же время товарищ и бывший одноклассник рассказчика по фамилии Цумура, чьи родственники живут в деревне Кудзу в Ёсино, приглашает его поехать туда вместе с ним. По ходу повествования раскрывается вторая сюжетная линия – это история жизни самого Цумуры, его поиски сведений о давно погибшей матери и любовь к деревенской девушке О-Васа [9, с. 117].

Само название и место действия повести создает для японского читателя определенный ассоциативный фон, отсылая к древним и средневековым литературным памятникам: в японской поэзии вака Ёсино (река Ёсино – Ёсиногава, горы Ёсино – Ёсинояма) является «мэйсё» – таким географическим названием, которое наиболее часто используется в японской поэзии [9, с. 117]. Впервые Ёсино упоминается в стихах старейшего поэтического сборника «Кайфусо», датируемого VIII веком; позже неоднократно воспевается в первых антологиях японской поэзии «Манъёсю» (вторая половина VIII века) и «Кокинсю» (начало X века). Образ данной местности имеет огромное значение в становлении «символического пейзажа» древней и средневековой Японии [7, с. 81].

Можно сказать, что Ёсино как важный для традиционной японской культуры символ является своеобразной основой для создания ассоциативного ряда в произведении, позволяющем Танидзаки тем или иным образом отсылаться в его тексте на большое количество различных литературных памятников, и средством объединения всех этих отсылок одновременно. Например, с Ёсино связаны эпизоды жизни Минамото Ёсицунэ – героя войны между кланами Тайра и Минамото (1180–1185) и его возлюбленной Сидзука. Фигура Ёсицунэ воспевается в известных средневековых военных эпопеях «Повесть о доме Тайра» (XIII в.), «Сказание о Ёсицунэ» (около XIV в.). Описанная в них любовная связь с Сидзукой вдохновила японских драматургов XVIII века Намики Сэнрю и Такэда Идзумо на создание классической пьесы театра кабуки «Тысяча вишен Ёсицунэ», наиболее эффектной и популярной сценой которой является «В горах Ёсино». В своей повести Танидзаки неоднократно отсылается ко всем вышеупомянутым литературным памятникам, цитируя их напрямую в диалогах героев или заимствуя из них образы, – например, маленькому барабану Хуцунэ, в который ударяет Сидзука в вышеупомянутой сцене кабуки, Танидзаки отводит в повествовании отдельную роль – рассказчик и его друг намеренно посещают семью в деревне Нацуми, все это время берегущую этот легендарный барабанчик как семейную реликвию. С фигурой Сидзуки связана целая сюжетная линия Цумуры: история о том, как в деревне Кудзу он увидел девушку, очень похожую на его мать, является очевидной аллюзией на пьесу театра Но «Две Сидзуки» (XV в.), в которой дух давно умершей Сидзуки вселяется в сборщицу трав у реки Нацуми [9, с. 117–118].

Кроме того, в тексте присутствуют реминисценции: упоминания, частичные пересказы, цитаты из литературных памятников, исторических записок и пьес: «Манъёсю», «Имосэяма», «Листок лианы», «Сокровищница вассальной верности», «Ночная песнь погонщика Ёсаку из Тамбы», «Хэйдзю моногатари» или «Повесть о Великом мире», «Записки о путешествии в провинцию Ямато», «Знаменитые места Ёсино» и т. д. [9, с. 117–118; 15, с. 107–108].

В повести звучат ностальгические мотивы, в ней множество воспоминаний как самого рассказчика, так и Цумуры; из-за постоянных прямых и скрытых аллюзий, цитат и пересказов сюжетов театральных пьес, легенд и переключений между разными временами грань между воображаемым и реальностью стирается, и они образуют единое неделимое целое.

Создание такого эффекта обусловлено также реминисценциями высоких контекстов на уровне художественных образов и стилистических приемов. Так, Танидзаки использует большое количество сезонных слов *киго*, являющихся основой традиционной японской поэзии: например, атмосферу поздней осени в произведении создают не столько личные описания автора, сколько упоминания различных видов хурмы, которая считается символом осени (きざ柿 кидзагаки, 御所柿 госёгаки, 熟柿 дзюкуси), момидзи, шелковицы, осеннего шелкопряда. Также писатель использует поэтические метафоры, такие как 繚乱 (рё:ран) или 千紫万紅 (сэнси банко:): «Без числа и без счета багрянец и пурпур...», «“Пестрота, буйство красок...” – эти поэтические метафоры созданы, вероятно, для описания цветущих весенних полей, но здешние краски отличаются разве лишь тем, что в основе у них цвет осени – желтизна...» [6, с. 85; 17, с. 220–225].

Другая рассматриваемая нами повесть «Мать Сигэмото» – это первая крупная работа, написанная Танидзаки в послевоенный период (1950). Начало повести представляет собой изучение различных исторических хроник и материалов, на этот раз эпохи Хэйан: рассказчик собирает информацию о придворном по имени Хэйтю, однако со временем фокус его внимания смещается к истории девушки. Первый сановник разлучает ее с престарелым мужем и

маленьким сыном Сигэмото. При прочтении повести нетрудно заметить и другие схожие с «Лианами Ёсино» черты: например, одной из основных тем «Матери Сигэмото» тоже является тема тоски по матери; Танидзаки пользуется тем же приемом раскрытия подробностей жизни героя через его записки [1, с. 80; 9, с. 124].

Однако разница между двумя рассматриваемыми произведениями очевидна. Повествование в «Матери Сигэмото» ведется от третьего лица, рассказчик не является главным героем повести, и в разных ее главах в центре повествования оказываются разные персонажи: это и Хэйдзю, и старый советник Куницунэ, и его жена Китаноката, и сам Сигэмото. Исторические источники здесь служат основой для развития сюжета, и Танидзаки прорабатывает характеры и истории упомянутых в них личностей, превращая их в персонажей собственной повести.

Большую часть фабулы повести составляют точно изложенные сюжеты двух историй из сборника сэцува «Кондзяку моногатари-сю», или «Собрания старых повестей», составленного в период Хэйан и датируемого XII веком, которые Танидзаки связывает друг с другом, создавая цельную историю: это рассказы из свитка 22 «Род Фудзивара» (22.8 «Рассказ о том, как министр Токихира забрал жену старшего советника Куницунэ») и свитка 30 «Влюбленные» (30.1 «Рассказ о том, как Тайра-но Садабуми ухаживал за госпожой Хонъин-но Дзидзю»), который, в свою очередь, восходит к повести «Хэйтё-моногатари» X века. Первый рассказ повествует о том, как престарелый советник Куницунэ в состоянии алкогольного опьянения отдал свою молодую жену Левому министру. Второй рассказ посвящен истории о том, как заместитель начальника военной стражи Тайра-но Садабуми по прозвищу Хэйтё, которым изначально интересовался рассказчик «Матери Сигэмото», пытается ухаживать за придворной дамой Хонъин-но Дзидзю – той самой молодой женой и матерью Сигэмото из прошлого рассказа [11, с. 53].

Повести характерны множественные цитирования самых разных хроник и источников, включающих целые стихотворения, традиционную для японской литературы «размытую» композицию и общую стилизацию текста с использованием архаичных выражений. Однако отметим, что рассказчик дополняет повествование не свойственными и попросту невозможными для описываемого подробностями и сравнениями. Например, он сравнивает обрывочные и смутные воспоминания Сигэмото со старым фильмом, что создает своеобразный временной парадокс – мы видим события далекого прошлого глазами рассказчика, который не может иметь к нему никакого отношения. Танидзаки концентрирует внимание на внутренних переживаниях героев и поднимает темы, присущие литературе нового времени, и это делает повесть «Мать Сигэмото» абсолютно оригинальным и новаторским произведением.

Говоря о рассмотренных нами произведениях, уточним еще две важные их особенности. Во-первых, в отличие от ранних работ Танидзаки, таких как «Татуировка», или «Цилинь» (1910), обращение к прошлым эпохам, историческим хроникам и фольклору в «Лианах Ёсино» или «Матери Сугимото» не несет в себе цели их намеренной экзотизации. В период «Возврата к Японии» Танидзаки отходит от принципов неоромантизма в своих произведениях; аллюзии и цитирования в них в первую очередь выполняют не сугубо эстетическую, но сюжетообразующую роль либо функцию создания ассоциативного фона. Во-вторых, несмотря на все вышеупомянутое, данные произведения нельзя отнести к историческим повестям, подобным произведениям, какие создавал классик новой японской литературы XX века, испытавший на себе результаты вестернизации Японии – Мори Огай (1862–1922). Танидзаки не стремится к исторической достоверности описываемых событий, допускает анахронизмы, смешения фактов

японской истории, сюжетов классических пьес и легенд. Проведенный анализ позволяет заключить, что данные повести Танидзаки являются полностью оригинальными художественными произведениями.

Итак, анализ биографии и произведений Танидзаки Дзюньитиро подтверждает, что феномен возвратной преемственности в новой японской литературе первой половины XX века является результатом процессов модернизации и вестернизации, вызванных реформами Реставрации Мэйдзи в 1868 году. «Обращение к прошлому» японских писателей стало стимулом развития литературного процесса, открывающим возможности для экспериментов с художественной формой. Используя в «Лианах Ёсино» и «Матери Сигэмото» различного рода заимствования, цитаты, пересказы, аллюзии на классические литературные памятники и японский фольклор, Танидзаки Дзюньитиро смог соединить в них прошлое и современность, национальную традицию и новаторство, связанное с модернизацией страны.

Список литературы

1. *Бондарь Ю.С.* Эстетика возвращения (на примере творчества Танидзаки Дзюньитиро) // Познание стран мира: история, культура, достижения. 2013. № 3. С. 75–83. EDN: RZHXPН.
2. *Бушмин А.С.* Преемственность в развитии литературы. СПб.: Художественная литература, 1978. 224 с.
3. *Санина К.Г. Чертушкина Е.В.* Тема кризиса культурной идентичности в творчестве Танидзаки Дзюньитиро и концепция «Утраченной Японии» Алекса Керра // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 52. С. 201–215. <https://doi.org/10.17223/19986645/52/12>.
4. *Санина К.Г.* Феномен «Возврата к Японии» и повесть Танидзаки Дзюньитиро «Мандзи» (1928–1930) // История и культура традиционной Японии / отв. ред. А.Н. Мещеряков. СПб.: Гиперион, 2015. (Orientalia et Classica LVII). С. 388–395.
5. *Танидзаки Дзюньитиро.* Избранные произведения: [в 2 т.] Т. 1.: Рассказы. Любовь глупца. Похвала тени / сост., предисловие, коммент. И. Львовой. М.: Художественная литература, 1986. 542 с.
6. *Танидзаки Дзюньитиро.* Мать Сигэмото. Повести, рассказы, эссе / сост. В.П. Виленкин, под ред. Т.П. Григорьевой. М.: Наука, 1984. 353 с.
7. *Торопыгина М.В.* Ёсино в поэтической антологии «Кайфусо:» // Политическая культура древней Японии / отв. ред. А.Н. Мещеряков. М.: РГГУ, 2006. (Orientalia et Classica VII). С. 81–108.
8. *Чамоков Т.Н.* О преемственности и новаторстве в системе адыгской новописьменной прозы. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». 2011. № 4. С. 56–59. EDN: ОРМЕQX.
9. *Чегодарь Н.И.* Литературная жизнь Японии между двумя мировыми войнами. М.: Восточная литература РАН, 2004. 222 с.
10. *Dodd S.* History in the Making: The Negotiation of History and Fiction in Tanizaki Jun'ichirō's "Shunkinshō" // Japan Review. 2012. № 24. P. 151–168.
11. *Gatten A.* What's So Classical about Tanizaki's Neoclassical Fiction?: The Influence of Heian Narrative on Tanizaki's Shōshō Shigemoto no haha. The Grand Old Man and the Great Tradition: Essays on Tanizaki Jun'ichiro in Honor of Adriana Boscaro. 2009. P. 53–70.

12. Keene D. Dawn to the West. Japanese Literature of the Modern Era: Fiction. New York: Holt Rinehart & Winston, 1984. 1329 p.
13. Mostow J, Denton K. The Columbia Companion to Modern East Asian Literature. Columbia University Press, 2003. 803 p.
14. Petersen G. The Moon in the Water: Understanding Tanizaki, Kawabata, and Mishima. Honolulu: Hawaii University Press, 1992. 366 p.
15. Pigeot J. The Function of Source References in Arrowroot. A Tanizaki Feast: The International Symposium in Venice, 1998. P. 107–116.
16. Tsuruta K. Tanizaki Junichiro's pilgrimage and return // Comparative Literature Studies. 2000. P. 239–255.
17. Танидзаки Дзюнъитиро. Нихон бунгаку дзэнсю: го дзю маки. (Полное собрание японской литературы, том пятнадцать). Токио: Кавадэ сёбо синся, 2016. 494 с.

References

1. Bondar Y.S. Aesthetics of Return (on the Example of Tanizaki Jun'ichirō's Works). *Cognition of the Countries of the World: History, Culture, Achievements*, 2013, no. 3, pp. 75–83. (In Russ.).
2. Bushmin A.S. Continuity in the Development of Literature. St. Petersburg, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1978. 224 p. (In Russ.).
3. Sanina K.G., Chertushkina E.V. The Theme of Cultural Identity Crisis in Creative Works of Tanizaki Jun'ichiro and the Concept of Lost Japan by Alex Kerr. *Tomsk State University Journal of Philology*, 2018, no. 52, pp. 201–215. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/19986645/52/12>.
4. Sanina K.G. The Phenomenon of "Return to Japan" and Tanizaki Jun'ichirō "Manji" (1928–1930). In: Meshcheryakov A.N. (ed.). *History and Culture of Traditional Japan*. St. Petersburg, Giperion Publ., 2015. Series: Orientalia et Classica LVII. P. 388–395. (In Russ.).
5. *Tanizaki Jun'ichirō. Captains Shigemoto's Mother. Novels, short stories, essays / comp. V.P. Vilenkin, ed. by T.P. Grigorieva*. Moscow, Publishing House Nauka, 1984. 353 p. (In Russ.).
6. *Tanizaki Jun'ichirō. Selected Works: in 2 volumes. Vol. 1.: Novels. Naomi. Praise of the shadow / composed, comment. by I. Lvova*. Moscow, Publishing House Khudozhestvennaya Literatura, 1986. 542 p. (In Russ.).
7. Toropygina M.V. Yoshino in the Poetic Anthology "Kaifusō". In: Meshcheryakov A.N. (ed.). *Political culture of ancient Japan*. Moscow, RSUH Publ., 2015. Series: Orientalia et Classica VII. P. 81–108. (In Russ.).
8. Chamokov T.N. On Continuity and Innovation in the System of the Adyghe New Written Prose. *The Bulletin of the Adyghe State University, the series "Philology and the Arts"*, 2011, no. 4, pp. 56–59. (In Russ.).
9. Chegodar N.I. *Literary Life of Japan Between the Two World Wars*. Moscow, Publishing House Vostochnaya Literatura, 2004. 222 p. (In Russ.).
10. Dodd S. History in the Making: The Negotiation of History and Fiction in Tanizaki Jun'ichirō's "Shunkinshō". *Japan Review*, 2012, no. 24, pp. 151–168.
11. Gatten A. What's So Classical about Tanizaki's Neoclassical Fiction?: The Influence of Heian Narrative on Tanizaki's Shōshō Shigemoto no haha. *The Grand Old Man and the Great Tradition: Essays on Tanizaki Jun'ichirō in Honor of Adriana Boscaro*, 2009. P. 53–70.

12. Keene D. Dawn to the West. Japanese Literature of the Modern Era: Fiction. New York, Holt Rinehart & Winston, 1984. 1329 p.
13. Mostow J, Denton K. The Columbia Companion to Modern East Asian Literature. Columbia University Press, 2003. 803 p.
14. Petersen G. The Moon in the Water: Understanding Tanizaki, Kawabata, and Mishima. Honolulu, Hawaii University Press, 1992. 366 p.
15. Pigeot J. The Function of Source References in Arrowroot. *A Tanizaki Feast: The International Symposium in Venice*. 1998. P. 107–116.
16. Tsuruta K. Tanizaki Jun'ichirō's Pilgrimage and Return. *Comparative Literature Studies*. 2000. P. 239–255.
17. Tanizaki Jun'ichirō. Nihon bungaku zenshū go jū maki. (The complete collection of Japanese literature, volume fifteen). Tokyo, Kawade Shobō Shinsha, 2016. 494 p. (In Jap.)

Статья поступила в редакцию / Received 27.01.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 28.01.2024

Принята к публикации / Accepted 05.04.2024